

Елизавета
Дворецкая

САД ЧЁРНОГО ВОЯКА

Вещие Души

Книга 2

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Д24

Дворецкая, Е.

Д24 След чёрного волка / Е. Дворецкая. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 412 с. — (Миры Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-517-02272-1

Дохристианская Русь... Зловредный дух завладел князем Вершиной. Чтобы изгнать духа, княжий сын Лютомер должен воспользоваться силою волшебного кольца Темнозора. У сестры Лютомера, колдуньи Лютавы, тоже не все ладно. Ее дух-покровитель, волк Нави Радомир, желает вновь родиться в мире живых, и для этого Лютава должна выйти замуж за того, на кого он укажет. Княжьих детей вновь ждут опасные приключения...

BIC FM
BISAC FIC009000

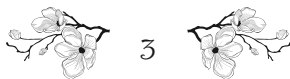
ISBN 978-5-517-02272-1

© Елизавета Дворецкая, текст, 2020
© Евгения Алёнушкина, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Предисловие

История этого замысла длинна и сложна. Угренские оборотни Лютомер и Лютава появились первоначально как второстепенные персонажи дилогии «Лес на Той Стороне», вернее, второй ее книги — «Зеркало и чаша» (в издании Книжного Клуба семейного досуга — «Лесная невеста. Проклятье Дивины»). А именно — в части, описывающей зимнее полюдь Зимобора. Когда же я несколько лет спустя взялась рассказывать историю Лютомера и Лютавы отдельно, оказалось, что описание встречи с Зимобором лежит ровно посередине их собственного пути. Соответственно, рассказав их историю до половины (двухтомник «Гроза над полем» и «Тропы незримых»), я очутилась перед проблемой, как быть дальше. Вся история полюдья Зимобора, судьбоносная для обеих сторон, в «Зеркале и чаше» была описана достаточно подробно. Рассказывать уже известное и мне, и читателю второй раз — неинтересно, а пропустить — получится белое пятно. К тому же я не приветствую ныне популярный принцип сериальной литературы, где длинная история героя порезана на кусочки, каждый из которых отдельно не имеет смысла. Я всегда стремилась к тому, чтобы историю, заключенную в отдельную обложку, можно было читать без знакомства с предыдущими и последующими томами.

И если уж приходится длинную повесть делить на две книги, следует обойтись, по крайней мере, без отсылки читателя к другому циклу.

Поиски приемлемого варианта решения этой проблемы у меня заняли много времени, и повествование об утренских оборотнях, начатое в 2006 году, получило завершение лишь в начале 2016-го. Встреча детей Велезоры с князем Зимобором здесь описана так, будто мы ничего ранее о нем не знали. Тех же, кого заинтересовал этот персонаж, тот может обратиться к двухтомнику «Лес на Той Стороне» (в издании «Крылов» 2006 года) или «Лесная невеста» (2012 и 2014 годы). Некоторые расхождения в деталях внесены мной, и это, увы, неизбежно при долгом развитии объемного замысла. Оба цикла также имеют общее продолжение — роман «Последний взгляд Марены».

Глава 1

*Верховья Десны,
Бранемефов век.*

На следующий день после солоновороты Добровед пришел в подземное обиталище богини Лады поздно. Народ едва утомился и наконец разошелся спать после шумного разгула, на дворе уже рассвело, но здесь, в избе, опущенной в землю на три локтя, было совсем темно. Волхва еще пошатывало после утомительной ночи, обрядов, игрищ и пира, поспать удалось совсем немного, голова болела от медовухи. По лестнице он спускался, придерживаясь за стену и осторожно на шаривая ногой каждую ступеньку. Но в эту избу он приходил каждое зимнее утро уже лет двадцать и в освещении не нуждался. На ощупь пробравшись к печке, Добровед свалил охапку поленьев, принесенную за спиной, нашел в золе тлеющие угольки, запалил две лучины, вставил в светец. Оглянулся.

Угрянская княжна Лютава, в эту зиму разделявшая заточение богини Лады, спала на своей лежанке. Обычно она просыпалась при появлении волхва, но сегодня даже не пошевелилась.

Волхв подошел поближе. Даже с похмелья он чувствовал: с девушкой что-то не так. Священная пленница лежала на спине, вытянув одну руку вдоль тела, а вторую положив на грудь. И на этой руке что-то мерцало, будто уголек. Поначалу Добровед испугался, что и правда уголь вылетел из печи, и поспешно наклонился.

Это оказалось кольцо — по виду бронзовое, отлитое таким образом, что казалось сплетенным из тонких корней. И оно испускало мягкий дымчатый свет, будто солнце, глубоко запрятанное в зимнюю тучу. Ничего подобного Добровед раньше не видел и замер в растерянности. И чем дольше он смотрел на девушку, тем более призрачной ему казалась она сама, как будто перед ним лежало лишь отражение в воде, а не человек.

Пересилив себя, Добровед осторожно прикоснулся к ее руке. Точнее, пытался прикоснуться. Его пальцы насквозь прошли через тело спящей, не встречая сопротивления, и уткнулись в медвежью шкуру, которой была покрыта лежанка. Потрясенный волхв отдернул руку, будто обжегся. Огляделся, пощупал самого себя, пощупал лавку — все было как обычно. И только она, Лютава-Лада, стала чем-то иным: блазнем, призраком.

Ничего подобного Добровед не видел за все двадцать лет и даже не слышал ни о чем подобном. От отца — тоже волхва и младшего брата прежнего дешнянского князя Божемога — он знал, что иной раз девушки, помещенные в Велесово подземелье, обнаруживались мертвыми: призванные богами, не могли выбраться духом обратно в белый свет. Это случалось очень редко, даже дед Доброведа видел такое лишь один раз, а уж он повидал десятки этих девушек. Но никто из волхвов Ладиной горы не сталкивался с таким, чтобы девушка-Лада была и здесь, и где-то совсем в другом месте одновременно. Ушла в Навь, оставив в Яви лишь свой облик. И это мерцающее, будто солнце полуночи, кольцо, которого Добровед еще вчера у нее не видел... Солоноворот-Корочун! Этой священной ночью княжна Лютава пережила нечто такое, о чем не знают даже волхвы. Или не пережила...

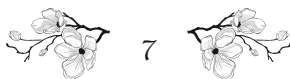

По привычке тщательно растопив печь, Добровед еще раз оглянулся на лежащую и тихонько вышел. Его брату Яроведу, старшему из депнянских волхвов, нужно было это увидеть. А всем остальным, пожалуй, пока незачем знать...

*Средняя Угра, Вершиславов век,
месяц просинец.*

Спускалась зимняя ночь, все затихло в Ратиславле, и только в избе хвалиски Замили, младшей жены князя Вершины, за плотно задвинутыми заволоками не гасили лучин. Спать хозяйка не собиралась: сидела на увязанной укладке, рядом лежала ее лисья шуба и большой платок из белой шерсти. Прежде богато убранная, сейчас изба выглядела почти голой: хорошая посуда, шелковые занавеси и покрывала, литые светильники исчезли с глаз. Зато посреди пола громоздились три укладки и пяток мешков. Дочь Замили, Амира, — невысокая смуглая девушка, широколицая и не слишком красивая, — устроилась возле двери, прислушиваясь к звукам снаружи и тоже держа кожух наготове. Челядь младшей князевой жены — баба Новица и отрок Найден — сидели по лавкам, оба с таким видом, будто собрались в дорогу.

Вот Замиля встала, огляделась, подошла к простой холщовой занавеске, сменившей прежнюю, из хвалисского шелка с цветами и птицами, и отодвинула край. Князь Вершина спал на лежанке, которую Замиля делила с ним предыдущие двадцать лет. Лица его она почти не видела в густой полутьме, но слышала, как он быстро беспокойно дышит, как ворочается, постанывает. Видеть его она и не хотела: теперь у него почти постоянно было очень странное выражение лица. Совершенно нечеловеческое: тупое, бессмысленное и в то же время как-то по-нехорошему це-

леустремленное. Та тварь, которая поселилась в его душе, знала свое дело и потихоньку поедала новую жертву изнутри.

Замиля плохо представляла себе эту тварь, но решительно не желала узнать поближе. Раньше она целиком полагалась на Галицу, которая обещала, что подчинит Вершину воле жены. Но бывшая челядинка давно не подавала о себе вестей, и Замиля день ото дня тревожилась все больше. Муж, которого чародейка обещала сделать послушным, почти перестал узнавать Замилю — как и прочих родичей. С тех пор как прямо за обильным столом Корочуна с ним приключился припадок, он так и не пришел в себя. Князь был довольно крепок телом, но разум, казалось, покинул его. Вершина ни на что не жаловался и вообще едва говорил: просил есть, да и только. Зато просил очень часто и ел много. При виде еды его глаза, обычно равнодушные, радостно вспыхивали, и он набрасывался на хлеб и мясо с такой жадностью, будто месяц голодал. Сметал все подряд — что ни дай. Родичи боялись к нему подходить, не шутя опасаясь, что он и их тоже однажды сожрет.

От соседей недуг Вершины скрывали, но ясно было, что так продолжаться не может. Старшие родичи что ни день собирались в избе Богорада, толковали на все лады. Можно ли исцелить князя? Кому его заменить — на срок или навсегда? Пора в гощенье идти — кому? В прежние годы Вершина иной раз сам ходил в гощенье, иной раз посылал Лютомера, как старшего сына и наследника. В этом качестве его знали все старейшины в подчиненных Угре волостях. Но где он теперь, Лютомер? Придумали послать людей за ним на Десну, но скоро ждать его назад не приходилось.

Бабы тоже собирались каждый вечер в беседе, но не столько пряли, сколько совещались все о том же. Замиля не ходила туда: в последние полгода отчуждение между ней и прочими Ратиславичами заметно выросло. Она давно сбегала бы, чтобы не ночевать в одной избе с помешанным, но никто не изъявлял готовности ее приютить. Благо было уже то, что ей вообще позволили оставаться в живых. Наутро после Корочуна Богорад и Толига

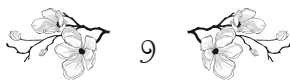
едва вырвали ее из рук разъяренных баб: те вопили, что хвалиска сглазила князя. Но подкрепить обвинение было нечем: никто не видел, чтобы Замиля творила ворожбу, у Вершины не нашли никаких наузов или корешков, которые могли быть наговорены на зло. Больше ее не трогали. За это Замиле следовало бы благодарить Темяну, но, приказав бабам оставить хвалиску в покое, Вершинина старая мать руководствовалась вовсе не добротой. «Не от Замильки порча пришла, — сказала Темяна на собрании старейшин. — Убить ее — горю не поможет. Сама она со своей замороккой эту кашу заварила — пусть сама и сидит с ним. Если опять начнет... — она тяжело вздохнула, — на людей кидаться... вот и узнаем. Не своих же к нему посылать!»

Закончились Велесовы дни, потянулся месяц просинец. Замиля и ее дочь постоянно дрожали за свою жизнь. Князь, который двадцать лет любил Замилю и оберегал от неприязни родичей, больше не мог ее защитить и сам внушал ужас, будто дикий зверь. От Хвалиса не было вестей уже полгода, и Замиля, лишившись мужа и сына, чувствовала, что жизнь ее не крепче яичка лесной птицы.

Вот Амира вскочила и замахала матерью рукой: кто-то идет. Замиля метнулась к двери, остановилась на полпути. Двое челядинов тоже встали.

В дверь легонько постучали. Амира выскочила наружу: заранее смазанная дверь не скрипнула. Почти сразу же девушка вернулась и подала знак: пора.

Тихая изба пришла в движение: хозяйка схватила шубу и платок, челядины — укладки и мешки. Вдвоем поволокли наружу. Замиля торопливо одевалась. Когда вся поклажа была вынесена, она тоже вышла к саням. Невысокая ростом и дородная телом, в теплой одежде и пышной шубе, крытой синей шерстью, она напоминала нарядно одетый стог. Под белой тканью платка резко выделялись густые черные брови и лихорадочно блестели большие темные глаза.

Возле саней стоял Толига и все трое его сыновей. Он один знал, куда увез летом Хвалиса, и теперь собирался переправить туда и его мать.

— Эти бабы разорвут и меня, и мою дочь! — твердила ему Замиля, понимая, что он единственный из Ратиславичей немного ее жалеет. — Они считают, что это я виновата! А я не умею творить заклятий! Если бы умела, я... Как мне быть? Мой муж болен, мой сын далеко! Я погибла, погибла!

Но не только разгневанных ратиславльских баб она боялась. Ночью она едва решалась сомкнуть глаза. С тех пор как Вершина захворал, Замиля не спала с ним, а перебралась на лавку, но во сне и наяву ей мерещилось, как муж встает и с тем же пустым взглядом бредет к ней через темную избу, чтобы вцепиться зубами в горло... Она отгоняла мысли о том, что и правда виновата в его нынешнем состоянии. Разве она хотела этого ужаса? Она хотела всего лишь счастья своему сыну, который имеет точно такое же право на наследство отца, как эти... оборотни, дети Велезоры. Откуда ей знать, чего там накудесила эта подлюка Галица! Накудесила, а сама сбежала, змеища, и горя ей мало!

Целыми днями Замиля ломала непривычную думать голову: как обезопасить себя? И не могла придумать другого способа, кроме как убраться подальше от Вершины, отыскать Хвалиса и возложить на него обязанность заботиться о матери. Ведь все это было затеяно ради него!

Когда все вышли из Замилиной избы, Толига, горестно вздохнув, взял из поленницы полено покрупнее и прочно подпер дверь. Вершина оставался там один, и, пусть из Замили сторож не слишком надежный, все же страшно было оставить больного до утра совсем без присмотра. Завтра, когда бегство обнаружится, Богоня приищет ему новых нянек, а пока у Толиги будет спокойнее на сердце, если хворый князь не сможет выбраться. Жилье и так было вся увешано пучками сухой полыни и дедовника, окружено полосой наговоренного Темяной угля, черневшего на снегу и подновляемого после каждого снегопада.